

шебно-фантастической сказки. При этом усиление или ослабление их роли автор ставит в зависимость от жанровой принадлежности сказки.

Четвертая глава монографии посвящена анализу противников героя — Бабы-Яги (отрицательного типа), Змея, Кашея Бессмертного, царя, барина и др. Исследователь аргументированно опровергает утверждение В. П. Аникина о том, что в большинстве сказок Баба-Яга выступает в роли дарительницы и доброй советчицы. Конкретный материал не подтверждает этого вывода: в двух третях всех сказочных сюжетов с образом Бабы-Яги она выступает противником и гонителем героев.

Вполне обоснованы и соображения Н. В. Новикова о генезисе образа Бабы-Яги, его мифологической сущности, о переосмыслении этого образа в процессе вызревания патриархальных отношений. Очень интересно и доказательно характеризуется образ Кашея Бессмертного — один из самых ярких образов восточнославянской сказки.

Анализ образов волшебной сказки закономерно завершается характеристикой типов социальных противников сказочного героя — царя, барина, попа и др.

Социальную и бытовую сатиру автор считает одним из замечательных признаков восточнославянской сказки. Он показывает, что в сказке рядом с фантастическими существами, обрисованными в гротескно-сатирической манере, действуют отрицательные персонажи, взятые из самой жизни и «придающие сказке ярко выраженную социально-политическую остроту и окраску» (стр. 22). И все-таки, на наш взгляд, исследователь слишком категоричен, когда утверждает, что «по силе сатирического обличения многие волшеббно-фантастические сказки не уступают бытовым (новеллистическим), а по широте охвата объектов изображения даже превосходят их» (стр. 221). Точнее было бы сказать, что есть волшебные сказки, которые по силе сатирического обличения не уступают отдельным бытовым (но не вообще бытовым). Что же касается широты охвата объектов изображения, то трудно найти такую волшебную сказку, в которой действительность изображалась бы только в сатирическом плане и так широко, как это бывает во многих бытовых сказках.

В заключении автор подводит итоги исследованию, обобщает выводы об особенностях системы образов восточнославянской волшебной фантастической сказки, в общих чертах рассматривает специфику обрисовки образов в сказке в сравнении с образами других жанров, показывает связь сказки с действительностью, объясняет сходство сказок восточнославянских народов и их образной системы прежде всего общностью происхождения и исторических судеб русского, украинского и белорусского народов, определяет национальную специфику сказок.

Кроме сделанных выше замечаний, следует указать также на некоторые неточности в цитировании белорусских текстов и на отдельные опечатки (стр. 19, 40, 42, 54, 87 и др.).

Все наши замечания носят частный характер и ни в коей мере не снижают общей высокой оценки монографии. Книга Н. В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки» — капитальный труд, вносящий значительный вклад в фольклористическую науку.

А. С. Федосих

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

И. М. Семашко. Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975, 168 стр.

В советской этнографической науке, как и в отечественном востоковедении в целом, не было создано ни одного исчерпывающего монографического исследования, посвященного какому-либо одному отдельно взятому народу Индии. Рецензируемая книга является первой монографией, всесторонне (в пределах доступного материала) освещающей жизнь бхиллов — одного из малых народов (или, точнее, одной из групп близкородственных малых народов) Индии, расселенного на этнических территориях трех крупных народов: гуджаратцев, раджастханцев и маратхов. Необходимость в такой работе давно назрела, и поэтому ее выход в свет следует приветствовать.

Уже во «Введении», определяя задачи своего исследования, автор выявляет важнейшие процессы, характерные для жизни всех малых народов современной Индии. Это: «их ассимиляция крупными народами, а в некоторых случаях и появление тенденции к собственной этнической консолидации, наконец их влияние на другие народы» (стр. 4).

Каждому из советских специалистов по Индии адресован вывод автора о необходимости пристального внимания к изучению процесса «социально-экономического и культурного роста малых народов, который индийское государство стремится целенаправленно регулировать» (стр. 4—5).

Во «Введении» дается хороший обзор источников — по крохам собраны сведения о бхилах, рассеянные на страницах научной и нарративной литературы. Положительная оценка той большой работы, которую ведут в этой области этнографы и антропологи Республики Индия, и четкое противопоставление их исследований публикациям английских ученых XIX — первой половины XX веков дают читателю представление о бурном росте обществоведческой науки в Индии в период независимости.

В обзоре происхождения бхиллов с исчерпывающей полнотой рассматриваются различные точки зрения, существующие в науке, и поскольку ни один ученый пока не построил убедительно аргументированной концепции этногенеза этого народа, автор достаточно обоснованно полемизирует с целым рядом исследователей.

Анализируя данные, касающиеся антропологического типа бхиллов, И. М. Семашко приходит к совершенно правильному выводу, что «бхилы являются продуктом смешения двух основных пластов — аборигенного и пришлого населения» (стр. 34). При этом автор критически относится к утверждениям большинства исследователей, что протобхилы — это скорее всего нишады — народ, постоянно упоминаемый в памятниках древнеиндийской литературы (стр. 20). Нишадов ученые чаще всего относят к мундаязычным народам и, связывая бхиллов с нишадами, подчеркивают предполагаемую мундаязычность протобхиллов. Поскольку все это спорно, и до сих пор вопрос о том, какой пласт индийского населения древнее — мунда или дравиды, остается открытым, автор освещает на страницах монографии все точки зрения, касающиеся соотношения субстратных элементов, прослеживаемых как в бхильском антропологическом типе, так и в бхильских диалектах, и это само по себе является первой и очень ценной сводкой материалов, нужных каждому специалисту.

Особенно важны все сведения, позволяющие связать протобхиллов с населением ареала цивилизации Хараппы, которое почти все современные исследователи признают дравидоязычным. Излагая точки зрения ряда выдающихся ученых, сблизивших протобхиллов с мунда, автор не упускает ни малейшей возможности найти в доводах исследователей данные, подтверждающие древние бхило-дравидийские связи.

К сожалению, автор не развил сформулированные в книге положения о том, что неарийская лексика в бхильском языке относится, в основном, к сельскохозяйственным традициям, а это «может свидетельствовать в какой-то мере и о древности земледелия... у бхиллов» (стр. 25). Ведь именно эти данные ставят под удар принятое многими учеными предположение, что дравиды нарекли бхиллов «бхилами», т. е. «лукниками», произведя это название от дравидийского слова «бил» — «лук». Каждый, кто соглашается с возможностью такого «наращения», поневоле должен признавать бхиллов и дравидов разнородными этносами, а этим опять же косвенно подтверждается мнение о том, что бхилы относятся к мундаязычным народам.

Возможно, настало время сделать более решительную попытку отойти от укоренившейся тенденции сблизать бхиллов главным образом с мунда. Следовало бы собрать все доступные материалы (видимо, этот вопрос заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную работу), связывающие бхиллов и с дравидоязычными народами. Не исключено, что совсем не дравиды, а индоарьи дали им название «бхил» (от «бил»), в силу того, что лук был основным оружием бхиллов — народа, занимавшегося в западных областях Индийского субконтинента земледелием (при сохраняющих большое значение в хозяйстве занятиях охотой и рыболовством).

В связи с этим хочется немного дополнить собранные автором данные о дравидийских корнях в бхильских диалектах и о бхильских топонимах в Западной Индии (стр. 22, 25, 26).

Процессы начальной ассимиляции арьями местного населения протекали с большой активностью в северо-западных областях. Интересно, что именно к областям Гуджарата, Раджастанхана и Панджаба относятся некоторые древнейшие упоминания о столкновениях арьев с теми неарийскими народами, в которых ученые обычно усматривают бхиллов, и о расселении здесь этих народов. К тем топонимам, которые перечислены в рецензируемой книге, можно добавить еще некоторые другие. Так, в Ригведе упоминается топоним Арбуда (Ригведа, кн. VIII, гимн 3), который локализуется в Гуджарате. Этот топоним не является санскритским и соотносится с древними языками местного населения, на что обратил внимание С. Конов еще в начале 1920-х гг.¹ В Ригведе говорится, что Арбуда была оплотом народа шамбара и других даса, или дасью (то есть неарьев). Там же указывается, что эти народы спускались с гор и грабили арьев, угоняли их коров. Из ведической и эпической литературы явствует, что Арбуда — это гора, которая позже, в эпиграфических памятниках средневековья, уже именуется, как и в наше время, Абу. Она расположена у границы двух штатов — Раджастанхана и Гуджарата, на местах древних боев арьев с шамбарами.

Ряд ученых считает шамбаров мунда, но никаких доказательств принадлежности этого народа (или группы народов) к носителям языков мунда нет. Нам кажется, что более обоснованы предположения о принадлежности шамбаров к дравидоязычным народам; описываемые области в древности входили в ареал цивилизации Хараппы, как известно, реликтовой группой древнего населения северо-западных областей субконтинента считается дравидоязычный народ брагуи, живущий и доныне в Пакистане, тогда

¹ S. K o n o w, The Aryan gods of the Mittani people, Oslo, 1921.

как территория расселения мундов, признанных создателями культуры медных кладов и желтой керамики, лежала дальше к востоку.

Судя по именам, а также по надписям и указам гуджаратских царей рубежа и начала новой эры, придворным языком к этому времени здесь уже стал санскрит², а это позволяет утверждать, что арьянизация этих областей завершилась во второй половине I тыс. до н. э. Ввиду интенсивной языковой ассимиляции, местные народы утратили свои языки, но наличие в современном индоарийском языке бхиллов неиндоарийских сельскохозяйственных терминов говорит скорее всего о том, что арьи непосредственно ассимилировали протобхиллов, составлявших часть земледельческого населения Хараппы, и что эти протобхиллы были скорее всего носителями какого-то из древних дравидийских языков. Видимо, в том именно и состоит столь четко прослеживаемое в древних памятниках индоарийской литературы различие между шабарами и нишадами, что шабары были дравидоязычным населением северо-западных и западных областей, а нишады, вполне вероятно, мундаязычными народами Центральной Индии.

Автор монографии приходит к выводу, что не следует непосредственно сопоставлять данные антропометрических измерений современных бхиллов с современными народами, живущими вокруг них, равно как и с описанными в древнеиндийской литературе племенами, которых обычно считают бхилами. Такие сопоставления неправильны в силу того, «что некоторые группы бхиллов настолько смешались с окружающим их населением европеоидного типа, что почти не отличаются от последнего» и, вместе с тем, «само это европеоидное население уже несет своеобразные черты взаимного смешения с аборигенным субстратом...» (стр. 33).

Ценная часть книги — описание истории отдельных территориальных групп бхиллов, являющееся кратким сводом малоизвестных материалов и поэтому имеющее большое информационное значение (стр. 35—48).

Собранные автором данные о занятиях и материальной культуре (глава 2), об общественных отношениях и социальных институтах (глава 3), а также о духовной культуре бхиллов (глава 4) тщательно систематизированы и распределены по отдельным разделам — «Земледелие», «Социально-экономические отношения», «Термины родства», «Семья и семейные отношения», «Народное творчество» и т. п. Все эти данные, несмотря на сравнительно небольшой объем книги, имеют исчерпывающий характер на данном уровне изучения бхиллов и являются небольшой энциклопедией, представляющей в распоряжение всех, кто занимается индологией, общей этнографией и социологией, подобранные со знанием дела сведения о самых разных сторонах жизни и культуры бхиллов.

Совершенно правилен вывод автора, что процессы ассимиляции разных групп бхиллов более крупными этническими массивами зашли очень далеко, но, несмотря на это, в их материальной и духовной культуре все же сохраняется ряд своеобразных черт, в известной степени общих для всех бхиллов, вне зависимости от того, какие этносы их окружают. Крайне важен конечный вывод, что несмотря на усиленную ассимиляцию бхиллов и несмотря на утрату ими своего языка и усвоение языков окружающих народов, в их среде развивается движение за национальное самоопределение, а это служит явным свидетельством формирования их национального самосознания (стр. 151—152).

Как и в каждой работе, посвященной слабо исследованным проблемам, в книге встречаются некоторые спорные утверждения, и автору можно было бы сделать несколько замечаний.

Так, желательно было бы поместить в книге дословный перевод текстов, где упоминаются бхиллы, в таком древнем памятнике, как эпическая поэма Махабхарата, или в более позднем произведении — «Катхасаритсагара» кашмирского автора Сомадевы. Равным образом хотелось бы, чтобы не так бегло был рассмотрен период истории бхиллов от рубежа н. э. до средневековья.

Нельзя признать правомерным термин «индусские народы», которым автор иногда пользуется, — ведь «индусский» означает «исповедующий индуизм», а в Индии нет монорелигиозных народов (да если бы и были, то по этому признаку народы в общем контексте книги выделять не следует).

В целом же такая книга, безусловно, нужна как специалистам, так и всем, кто интересуется жизнью и культурой народов этой многонациональной страны.

² H. D. Sankalia, *Studies in the historical and cultural geography and ethnography of Gujarat*, Poona, 1949, p. 160—163.